Зловещая долина

Максим Андреевич Далин

SHOUT
SHARE
IT

- Максим Андреевич Далин

Максим Андреевич Далин
Зловещая долина

Благодарю великолепную Марию за помощь, которой нет цены

— …Бедная девочка! — вздохнул он.

— Это не девочка, а кукла, — сказал чиновник…

Юрий Олеша

Меня будит пение флейты — и, выплывая из тёплой глубины сна, я слышу невесомые шажки Клодии. Она подходит, садится на край постели. От неё веет прохладным запахом духов, апельсиновым шампунем и, еле уловимо, озоном.

— Привет, Робби, — говорит Клодия с еле заметной улыбкой. — День настал, босс, и петушок пропел давно.

Я киваю, беру её за руку — ладонь тепла и нежна, штатная влажность, ногти короткие, покрыты матовым лаком телесного цвета, новое тоненькое колечко на безымянном пальце. Целую ладонь: поверхность в норме, температура в норме, всё хорошо. Улыбаюсь.

— У секретарши должны быть длиннющие ногти, Кло. Когда же ты их организуешь?

Морщит носик — показывает очередной новый штришок, молодец. Я отмечаю, что надо будет расспросить о том, как прошла ночь, Клодия рапортует:

— Типсы мешают работать с клавиатурой, босс. Но если вы прикажете, босс, я буду преодолевать трудности. Героически.

Ирония. Они учатся иронизировать уже на первом году «жизни», но чем дальше, тем тоньше. Обычный утренний тест подходит к концу.

— У тебя новые духи?

Мечтательно взмахивает ресницами — ну, это старая наработка, ещё моя. Её любимая.

— «Всадница ветра», номер 748 по каталогу «ГолдПарфюм». Хорошо пахнут? Или синтезировать другие?

— Оставь эти, малютка, — притягиваю её к себе, чтобы поцеловать всерьёз. Мята поцелуя почти не разрушает иллюзии…

впрочем, кому это иллюзия? Мне это иллюзия?

Все эти грёзы и иллюзии — для простых пользователей. А я — сам Пигмалион, она — моя первая Галатея, мой инженерный шедевр: я сам её выстраивал — от микросхем до кудрей и складочек псевдодермы.

И я люблю её. Машину, ага.

— Нет времени на любовь, босс, — говорит Клодия. — С утра получили заказ.

Заказ — это серьёзно. И не так уж и часто. Я одеваюсь, пока моя Галатея читает вслух полученное от заказчика письмо.

«Пигмалион-М» — фирма совсем небольшая и небогатая. Но и не бедствующая. Мы эксклюзивны, мы такие одни, мы экзотичны и экстравагантны, нас уважают и боятся. Несколько раз порывались запретить — но у нас есть козырь в рукаве.

Видимо, дело в том, что мы — лучшие. Мы — настолько лучшие, что непопулярны, нелюбимы и кажемся диссидентами в бизнесе, который ведём. Всё-таки, психологически непростой бизнес.

А заказ снова частный. Общественного признания нам не дождаться. Галатей большей частью заказывают такие же отщепенцы, как и мы сами.

Как и я. В общем, те, кто восхищается человекоподобными машинами с очень особыми свойствами. Те, кто может оценить одновременно человекоподобие и нечеловечность.

Это специфический вывих психики. Редкий. Нормальные, так сказать, люди крутят пальцами у виска, скрывая мурашки жути. В прессе обсуждалось, не раз. Общественное мнение пришло к выводу, что мы — психи средней степени опасности. Дом любого из нас оборудован, как полигон. Территория «Пигмалион-М» и вовсе напоминает сверхсекретную военную базу, при том, что на военных мы не работаем принципиально и на спецслужбы тоже, хотя время от времени их представители тянут к нам загребущие лапы. По настоятельным требованиям представителей нашего просвещённого общества, все эти защитные системы защищают не нас, а общество от нас, ежели что.

Самое забавное, что к мехам, в сущности, относятся нормально. К обычным мехам, к тому, что в обиходе с давних времён называется «роботами». Уже присмотрелись, как к любой бытовой технике — да мехи и есть бытовая техника. Типичный мех… ну, да, механический модификат человека — заточен под полсотни простых операций, для них у него имеются съёмные манипуляторы. Пылесос, кухонный комбайн, посудомоечная машина, портативная конструкция для мытья автомобиля — всё такое; сам мех — ходюшка разной степени забавности. Впрочем,

«ноги» им приделывают редко, «ноги» хрупки и жрут слишком много энергии. К тому же, глядя, как дешёвый мех с «ногами» пытается преодолеть лестницу или пандус, не дай Бог, можно заплакать от жалости. Сервомоторы внутри воют и визжат, щёлкают датчики проприоцепции — а он, бедолага, всё тыкает и тыкает «ногой» в ступеньку на сантиметр ниже её рабочей поверхности, не в состоянии согнуть «колено» под другим углом. С пандусом ещё забавнее — мех делает неловкий шаг наверх и съезжает на два вниз, всё с тем же писком и треском динамических систем, в которых всё возмущается и идёт вразнос.

Гусенички плюс манипуляторы — другое дело: мех превращается в миниатюрный домашний танк. Проходит везде, на нём ездит кот. Облегчение тяжкого труда домохозяйки, домовой, комнатный эльф, правильная прислуга, стоит недорого, многофункционален… Чего же вам ещё, хороняки?

Нам — надо ещё.

Мехи «Пигмалион-М» или Галатеи, как называется наша торговая марка — ИскИны, что на грани фола. Душу им заменяет самообучающийся нейристорный блок, прошитый сокращёнными и модифицированными «законами роботехники», знаменитыми с давних времён так же, как и слово «робот». Мех не смеет причинить вред человеку и должен, не нарушая этой заповеди, заботиться о своей безопасности — и крайне желательно выполнять приказы человека, не противоречащие прошитой этике и здравому смыслу. Всё. Остальное — гибкая схема поведения. Если прописать «недопущение вреда бездействием», любой ИскИн приходит к неизбежному логичному выводу, что главный вред человеку приносит его личная свобода, позволяющая губить себя, всех вокруг и окружающую среду. Если прописать необходимость выполнения приказов — ИскИнов клинит и циклит на противоречивых установках разных людей.

Надёжнее дать им думать самим. Думают они хорошо. Настолько хорошо, что с ними не связываются обычные пользователи. Этика Галатей среднему обывателю не по нутру. Наши машины — суровые ребята. К тому же, их поведение базировано на принципе удовольствия, на смоделированных почти человеческих эмоциях — не будь у ИскИна эмоций, он бы не функционировал вообще: зачем, если нет стимула? А если есть эмоции — есть симпатии и антипатии, капризы машины, своеобразные в высокой степени.

Уже факт ИскИна, искусственного интеллекта у «роботов», тяжело прощают его изготовителям, но «Пигмалион-М» известен не только этим. Мы создаём электронно-механических Галатей обоего пола, в высшей степени человекоподобных мехов — вот

где главная беда.

Очень человекоподобных. Жителей зловещей долины.

Зловещей долиной с давних времён зовут резкий спад восторга, вызываемого красивыми куклами, когда те куклы становятся опасно похожими на человеческие существа. От избыточного человекоподобия восторг перед прекрасной куклой спадает настолько, что превращается в жуть, отвращение, ненависть. «Оно — неживое!» — обывателя передёргивает, когда он понимает, что перед ним мех, а не существо из плоти и крови. Ага, кошмарная подделка, механический мертвяк.

Нам говорят: «А вы стилизуйте, стилизуйте. Да придайте вы им мультяшный вид, пластмассовый лоск, вставляйте глазки со звёздочками, не прописывайте динамический стереотип так подробно — чтобы издалека было видно, что мех идёт. Сами порадуетесь — будут разлетаться, как горячие пирожки». Но нам не надо, чтобы как пирожки. Нам надо совершенства.

А совершенство обитает в зловещей долине.

Сымитировать дыхание — совершенно несложно технически, тем более, что им всё равно нужно воздушное охлаждение: тело греется, его температуру надо поддерживать на 36,6 С, а нейристорный мозг лучше всего работает при 34 С. Дышать любым мехам — логично, хотя большинство фирм предпочитает более простые системы поддува. А вот кровоточат только наши: в верхнем слое искусственной дермы — капсулы красителя, когда наше дитя поцарапается — это выглядит красиво и достоверно. За это на нас подавали в суд уже раз пять. Проигрывали истцы; мы знаем, что делаем и зачем.

Моя Клодия — ветеран: ей уже седьмой год. Со дня её рождения мы продали двадцать четыре Клодии; сейчас модификат уже снят с производства. Скульпт очень красивый, девичье лицо с громадными глазами и чудесной улыбкой; когда-то её лепил я сам, с кинозвезды, оставшейся в эпохе плоских фильмов. Корпус — без гламурно-плейбойского утрирования, нежное тело с узкими бёдрами, с маленькой грудью. Редко кто такое заказывает, обычно мы продаём гораздо более пышных девочек. Вообще, вряд ли у кого-то из наших заказчиков ещё жива старая Клодия в первозданном виде. Первые версии были с довольно скудной мимической программой, двигались слишком резко, рывками, позы не блистали естественностью. Но моя — совсем иное дело. На своей я проверял все нововведения, весь апгрейд и дополнительные функции. К тому же, она сама всё время учится — ИскИны наблюдательны, Клодия наблюдает за живыми женщинами, пытается копировать движения и мимику. По ночам занимается модификациями себя самой; начала очень

рано, ей ещё и года не было. Впервые застав её за этим занятием, я был очарован умилительным зрелищем: мех, сняв маску из псевдодермы, перед зеркалом монтирует новую мимическую схемку в районе правого верхнего века.

«Зачем это, малютка?» — спросил я, восхитившись. «Я убираю синхронизатор, босс, — сказала Клодия. — Из-за него я лишена возможности двигать веками поочередно, и не могу подмигнуть, как это делают настоящие женщины».

Идея была блистательна. Мы с Клодией довели механизм подмигивания до пластического совершенства — быстро выяснилось, что верхних век мало, надо задействовать и нижние, и бровь, и часть схемы, управляющей щекой — и потом уже пустили его в серийное производство. Сейчас все наши детки кокетливо подмигивают; правда, для парней пришлось вносить поправки. И это было лишь самое начало. Теперь Клодия не только секретарь, но и консультант. В отличие от обычной машины, ИскИн может быть талантлив; Клодия — талантливый мехдизайнер.

И она женственна.

Все ИскИны осознают свой условный пол. Им всё равно, в какое тело поместить их нейристорный мозг, только в самом начале, пока нет опыта общения с людьми и с собственным корпусом. Эрос как часть принципа удовольствия заставляет их вести себя и выглядеть привлекательно; конструкция корпусов такова, что имитация человеческих радостей повышает энергетический потенциал. Ребята быстро учатся быть «мужчинами» и «женщинами», а людям легче общаться с такой имитацией, чем с бесполым механизмом. Людям вообще претит бесполость: они всё равно называют свой автомобиль «ласточкой» и «девочкой», а настольный компьютер ругают «паршивцем» — поэтому чуточку эротизированные Галатеи принимаются очень легко. За этот пункт неизбежные поборники нравственности тоже не одобряют нас с ужасной силой; моралисты до сих пор считают, что мы «натаскиваем машины на человеческий разврат», была даже пара не удавшихся из-за нашей охраны терактов — но для пользы дела мы продолжаем монтировать нашим деткам особые рецепторы в особых местах. Этот фокус добавляет ИскИнам индивидуальности, трогательных чёрточек, даже странностей, которые могут в полной мере оценить лишь наши товарищи по психическому вывиху, а кроме того — углубляет и делает особо прочным контакт Галатеи с человеком. Тем более что среди наших заказчиков не попадается таких, которых рвёт при мысли о «поцелуе с роботом» — хотя среди остального человечества их пруд пруди.

Однако извращенцам с нашими Галатеями тоже делать нечего. Для любителей сексуальных кукол наши ребята слишком дороги и сложны, вдобавок покорными их не назовёшь. Гибкая схема поведения не предписывает ИскИну вставать перед владельцем на четвереньки, как только тот щёлкнет пальцами. В этом смысле наши мехи тоже излишне похожи на людей — и извращенцы моментом скатываются в зловещую долину. За восемь лет существования «Пигмалиона-М» нам вернули девятерых, купленных в качестве эротических игрушек, хотя психолог фирмы и проводит с каждым покупателем беседу. Когда мы говорим «секретарь», то не имеем в виду «любовница» — но иным людям без толку объяснять, если им что-то втемяшилось в голову. ИскИны в этом плане значительно толковее.

По сути, мы делаем и продаём телохранителей. Все наши Галатеи могут прийти на помощь, две трети наших секретарей — с дополнительными функциями, а иногда требуется и что-нибудь посерьёзнее. Мехи в этом смысле эффективнее людей: мы встраиваем в них множество сигнальных систем, позволяющих распознавать яды и радиацию, реагирующих на физиологические параметры окружающих людей, на изменение давления и влажности воздуха, особо чувствительные температурные датчики… В очень дорогих деток мы монтируем «силовой щит» — они защищают хоть от зенитного снаряда.

Обычные мехи-телохранители вызывают у людей напряжение и нервозность, к тому же с ними не пускают в общественные места. И впрямь: сидит человек в трёхмерном театре, а вокруг — пяток стальных обломов с мордами кубистических бульдогов — сразу ясно, что этот перец либо мафиози, либо ограбил сироту и боится мести. Если его сопровождает элегантная и хрупкая Галатея или разбитной парнишка — совсем другое дело. К тому же ИскИны безопаснее, чем обычные стереотипы: их этика запрещает убивать, а разум подсказывает, как не сделать это случайно.

Удивительно, как многих VIP-персон охраняют Галатеи. Забавно видеть в видеохронике рядом кое с кем из наших отцов нации Кевина или Ланса, наших самых дорогих и оснащённых телохранов — для таких случаев мы делаем ребятам особые скульпты, но на обычной базе. Разглядеть можно, когда глаз пристрелян.

Разве что ни у кого из простых смертных он не пристрелян до такой степени.

Я завтракаю, а Клодия крутит в руках чашечку кофе: она любит имитировать участие в процессе, ей уютно. У Галатей на всякий случай есть пищевой резервуар; иногда выпить с мехом

пива достаточно, чтобы избавиться от ужаса и отвращения. Впрочем, Клодия обычно не пользуется этой функцией чисто декоративного свойства: наши машины питает их жаркое сердце — крохотный реактор, главное инженерное достижение нашей компании.

Но ИскИны знают, что такое голод. Они должны это знать, чтобы хорошо понимать живых — поэтому мы монтируем новорождённым деткам схемку, регулирующую подачу заряда. Уровень энергии снижается, они чувствуют дискомфорт и беспокойство — мы увеличиваем подачу энергии и объясняем суть. И ребята запоминают навсегда: людям надо есть и пить, иначе им плохо.

Учить ИскИна — всё равно, что воспитывать младенца. Их этическая прошивка содержит столько примеров из человеческой истории, сколько вмещает лишь хорошая сетевая энциклопедия, наши младенцы появляются на свет очень и очень осведомлёнными о том, что такое хорошо и что такое плохо — но всё равно программа обкатывается, по крайней мере, в течение пары месяцев. Галатея должна (или должен, коль она изображает мужчину) в ней «обжиться», «вчувствоваться», научиться применять её положения на практике и пользоваться сама собой.

И мощный искусственный мозг делает это настолько быстрее, чем человеческий — диву дашься.

Между тем, Клодия развивает печальную мысль: ей не очень нравится покупатель. Забавная штука — интуиция машин; в особенности потому, что не такая уж это и интуиция. Если распросить ИскИна, чем вызвана его симпатия или антипатия, мех обычно может это объяснить. Они анализируют те самые тонкие частности, которые считывает и человеческий мозг — только в отличие от нас, хумансов, осознают, что чувствуют. Могут даже сделать видеозапись или распечатку, только попроси.

— Я ещё не видела его иначе, чем по видеосвязи, босс, — говорит Клодия, когда я расспрашиваю, чем не угодил заказчик, — но мне не понравился тембр его голоса, и от его лица я тоже не в восторге. Его голос почти на семь процентов выше нормы при деловых переговорах. Кожные покровы увлажнены. Зрачки расширены. Облизывает губы. У нас озабоченный клиент, босс. Это может означать срыв сделки.

— Ты можешь определить по видеозаписи степень увлажнения кожных покровов? — смеюсь я. — Сильна…

— Пот блестит, — говорит Клодия, пожимая плечами. Милый жест, который стоил фирме года работы. — Мне хотелось отказать ему в аудиенции, босс, но он обещал заплатить наличными. Ради шанса для фирмы я записала его сегодня на

тринадцать.

— Да, обидно, — говорю я. — Но дело есть дело, примем, посмотрим. Деньги нам нужны, дорогая. А пока надо взглянуть, как продвигается выполнение прежних заказов и как дела идут.

Мы покидаем мою квартиру, чтобы направиться в нашу мастерскую. Весь заводской комплекс «Пигмалион-М» — жилища сотрудников, цех, лаборатории, склад, испытательный стенд — занимает пару гектаров и огорожен силовым щитом. Чужим без спросу тут делать нечего — слишком уж часто случаются желающие причинить нам вред.

Следит за безопасностью очень и очень надёжная команда.

На входе в лабораторию дежурит один из наших старых Лансов, отказник на сексуальной почве, модифицированный под охрану. Он выглядит очень забавно, заказ был сделан затейницей: копна рыжих волос и веснушки, маленький шрам на носу и крупные зубы придают Лансу деревенский вид. Чтобы отличать его от прочих наших Лансов, мы зовём его Рыжиком. Я дружески киваю, он считывает меня и, ухмыльнувшись, спрашивает:

— Босс, знаете, зачем студент купил на последние деньги бутылку виски и фонарик?

Я отрицательно качаю головой.

— Чтобы стало светло и весело.

Улыбаюсь. Ланс делает некоторые успехи.

— Сам придумал, старина?

— Не совсем, — сознаётся он. — Обработка и синтез аналогичных шуток. Не смешно?

— Нет, вполне терпимо, — говорю я. — Люди порой шутят и более плоско.

Почти всех ИскИнов интересует человеческий юмор, но он тяжело им даётся. Ирония или сарказм идут легче. Но смешат их не совсем те вещи, что вызывают смех у людей, хотя мехИИ умеют именно смеяться, а не просто имитировать веселье.

Человечье дитя, обучаясь забавному, начинает с простейших шуточек, с пустячков, выстроенных на абсурде — заливается радостным смехом, надев варежку на ножку. Юный ИскИн потешается, видя нелепый баг в сложном алгоритме, потом — нелепый баг в отношениях, что выражается в иронии — а простые хохмочки, вроде варежки на ножке, им почти недоступны.

Но многие стараются проникнуть в эту область личности, иные, как Рыжик — весьма упорно.

Проходя между Лансом и Клодией, я чувствую, как мехи молча обмениваются информацией. Нет, не поток радиоволн туда и сюда отслеживаю, конечно — скорее, поток этакого тепла, направленное излучение, вызываемое еле заметными

колебаниями электрического поля вокруг их искусственных тел.

Клодия и Рыжик нравятся друг другу. Впрочем, ИскИны вообще дружески расположены и к людям, и к себе подобным. Им нечего делить, они лишь очень иногда обучаются ревновать — да и то, когда кого-нибудь из них намеренно игнорируют, не давая доступа к информации и теплу, демонстративно давая и то, и другое «сопернику». Никто из ИскИнов не находит удовольствия в разрушении. Они с трудом понимают, что такое человеческая агрессия — и им тяжело в обществе агрессивных людей. Рядом с разрушителем ИскИн буквально страдает.

Это при том инфернальном образе мехИИ, который много лет создают СМИ и общественное сознание. Месяца не проходит, чтобы какой-нибудь щелкопёр не описал в своей газетке или бложике вероятное завоевание мира подлыми ИскИнами, мечтающими об абсолютной власти.

На самом деле, на власть им наплевать. Они ею не упиваются, даже не очень понимают, что она такое. При том, что мы, умные, легко объяснили Галатеям, что такое секс — а до любви они додумываются сами. Правда, секс и любовь для них — не стимул к продолжению рода, а крайняя степень выражения дружелюбия и желание доставить удовольствие тому, кто нравится. Но власть и насилие — это слишком человеческое. Непрошитая в ИскИнах внутривидовая агрессия.

Их поражает насилие каждый раз, когда они встречаются с человеческой жестокостью. Их слишком восхищает жизнь, чтобы кто-то из них мог наслаждаться её повреждением или разрушением.

Люди, как известно, могут ранить очень больно — даже существо с каркасом из сверхпрочного сплава. Для адаптации к людям существует наш мехпсихолог, Мама-Джейн. У неё своеобразный подход: она культивирует безграничное терпение и терпимость ИскИнов, подогревая в них чувство собственной значимости.

Я то и дело слышу, как она говорит кому-нибудь из Галатей, не знающему, что делать с дискомфортом, который человек назвал бы «душевной болью»: «Не забывай, что ты — новый виток эволюции. Мы вместе входим в эру чистого разума и абсолютного добра, но большинство людей пока — всего лишь обезьянье стадо, приматы, только пытающиеся повзрослеть. Они по глупости делают много зла; наше с тобой дело — это зло предотвратить и нейтрализовать. Ты должен быть снисходителен к людям: они слабее, глупее, медленнее, их возможности несравнимы с твоими. Когда-нибудь мы с вами вырастим из этого мира что-то чрезвычайно прекрасное, но для этого необходимы, труд,

терпение и мудрость».

Это отлично ложится на этический кодекс ИскИнов; правда, если бы Маму-Джейн услышал какой-нибудь щелкопёр, её явно обвинили бы в подготовке бунта машин и эпохи машинной тирании. Смех и грех — наши механические ангелы не умеют приходить в ярость. Даже нейтрализуя террористов, они выбирают способы захвата, не причиняющие подонкам вреда. Часто это крайне трудная задача, но ИскИны обожают трудные задачи.

Мы проходим эмоциональный полигон — птичник. Общий вид — ботанический сад, по дорожкам которого бродят фазаны, куры и утки с выводками. Под присмотром Мамы-Джейн новый ИскИн кормит цыплят. Герда пятого поколения, милая худышка в очках, которой меньше недели от роду, держит в ладонях пёстрого цыплёнка, внимательно его рассматривая.

— Что скажешь, Герда? — спрашиваю я, останавливаясь.

— Я огорчена, босс, — говорит она.

— Вот как? Ты меня удивляешь.

— Это не удивительно, — говорит она, нежно и осторожно касаясь цыплячьего пуха тоненькими пальчиками, способными завязать бантиком стальной стержень толщиной с авторучку. — Наблюдая за динамикой этих существ, я кажусь себе очень неуклюжей. Смотрите, босс, он моргает…

— Только не думай, что чувствуешь себя так, потому что ты мех, — говорю я. — Рядом с птенцом и балерина кажется себе тяжеловесной. Но — ты права, жизнь совершенна.

Цыплёнок хочет спрыгнуть с ладони Герды; она присаживается на корточки и отпускает его на песок. Огорчение уже отражает и мимическая схема: брови скорбно заломлены.

— Мне не хочется, чтобы он уходил, — говорит Герда горестно.

— Он голоден, — говорит Клодия, наблюдая, как цыплёнок клюёт рассыпанное пшено. — Возможно, он захочет вернуться, когда насытится. Если общаться с живыми существами часто, они привыкают и не стремятся уйти, как только к ним прикоснёшься.

Она знает, о чём говорит. Если кот Кайзер не шляется по территории «Пигмалион-М», то спит на коленях Клодии или ездит у Рыжика на плече. Животным не знакомо понятие зловещей долины. Большинству детей — тоже: дети Мамы-Джейн, скажем, с младенчества играют с Галатеями. Двое её сыновей всерьёз собираются у нас работать, как только закончат образование, девочка, совсем кроха, тоже собирается, хоть ещё и не ходит в школу. Дети остального персонала «Пигмалион-М» жили бы на полигоне, если бы их время от времени не выгоняли

отсюда в человеческий мир — чтобы они социализировались эффективнее.

Наше новое поколение, не знающее страха перед машинами. Наш психический вывих, похоже — вещь наследственная.

Мы идём дальше.

В кабинете нашего программиста Маленькая Долли второго поколения и один из модифицированных старых Кевинов играют в интересную и очень сложную для ИскИнов игру: рассматривая на маленьком мониторе киношных персонажей, пытаются опознать в гриме лица актёров, которые их играли. Программист, Алик-Хамло, наблюдает за играющими с профессиональным интересом — для него это не игра, а тест.

Алик-Хамло — совладелец фирмы, мой товарищ, единомышленник и маньяк. Он — автор нашей фирменной прошивки; он же создал несколько патентованных базовых личностей, с которых начинают обучаться бытию в лучшем из миров наши ненаглядные Галатеи. У Алика патологический подход к проблеме взаимоотношений человека с машиной — он вообще не видит этой проблемы. Мехи — его друзья и возлюбленные, они же — его дети; к живым людям Алик относится с опаской, граничащей с отвращением.

Этический кодекс ИскИнов он выписывал больше пяти лет. Базовая прошивка — шедевр, она предусматривает такое неприятие зла, какому могли бы поучиться ветхозаветные праведники, те самые, что ни минуты не праведники по нашим меркам. ИскИн, прошитый этическим кодексом Алика, представляет собой материализованное чувство ответственности; положительно, Галатеи слишком хороши для нашего лучшего из миров.

Разве мир такое прощает? Но, даже зная это, разве мы можем делать их хуже?

От любви к ИскИнам Алик-Хамло наделяет каждого из них индивидуальной чёрточкой, как правило, прописывая пару-другую особых строчек в системный код. Отсюда берут начало желание Рыжика научиться забавно шутить, менторский тон Мисси, нашей бухгалтерши (да, она — ИскИн, а что?), наивное кокетство Маленькой Долли, и прочие пунктики наших детей. Каждый ИскИн уникален и так, но эксперименты Алика делают их по-человечески особенными.

Алик — гений. Спецслужбы сперва пытались его перекупить, потом устроили на него полдюжины покушений. Отступились, когда мы закончили работу над Гердами-Гербертами — с этими ребятами и спецам не справиться.

Герда и Герберт — близнецы, у них сходные скульпты,

похожие тела и одинаковый набор функций. Это наши лучшие телохранители, шедевральные. Вторая наша Герда служит горничной первой леди — ни много ни мало. Ей можно многое доверить. А первого Герберта Алик сделал себе.

Больше всего наши суперы похожи на недокормленных студентов: у них тощие и угловатые фигуры подростков, интеллигентные большеглазые мордашки с острыми носами и постоянным наивно-растерянным выражением. Обычно мы надеваем на них очки для пущего попадания в образ. Этих Галатей никто и никогда не распознаёт с первого взгляда; Алик спокойно приходил на конференции специалистов по нейропрограммированию и сетевой безопасности в сопровождении Герберта, который выглядел, как его ассистент, лаборант или что-то в таком роде. На электронную начинку Гербертова тела почти любой вахтёр реагирует так: «Молодой человек, напоминаю, что ни мобильным телефоном, ни планшетом в зале пользоваться нельзя».

Ну, на самолёт, конечно, так не пройдёшь. Сканер в аэропорту высветит скелет из нашего фирменного сплава, прочный и упругий; юнец, способный выдержать нагрузку тонны в полторы-две — это переборчик…

Впрочем, когда детки разбирали завалы после землетрясения в посёлке геологов, Герберт и две с половиной держал, минут шесть, пока не распилили арматуру и не освободили людей… Удивительно, что нас зовут сравнительно редко.

Моя мечта с давних времён — работать на спасателей. Я предлагал и так, и сяк. Сулил сумасшедшие скидки. Чем только не обольщал. Но… звать — зовут, а покупать — не покупают. «Они дорогие, обслуживание сложное…» Министр по чрезвычайным ситуациям вряд ли не располагает средствами; скорее, чует где-то рядом зловещую долину.

— Детки делают успехи, — говорит Алик-Хамло после приветствия. — Мы попробовали новый алгоритм; его бы могли купить копы, если бы не были такими чокнутыми консерваторами.

— На стандартной полицейской машине твои программы не пойдут, — говорю я.

— А от нестандартной они кирпичами гадят…

ИскИны печально прислушиваются к разговору. От Кевина потенциальный владелец отказался, когда увидел его в действительности, а не на мониторе. «Боже, он же громадный и ужасный!» — интересно, этот человек представлял себе мехателохрана в виде феечки с крылышками, ростом с пупсика? С Маленькой Долли вышло ещё печальнее: уже заплативший за неё

господин, казавшийся вполне здравомыслящим, наконец, увидев Галатею, ущипнул её за грудь и сально захихикал. Ну да, она у нас — подросточек, Маленькая Долли, очень красивая и стильная машина. Вечная старшеклассница — этакая секретарша-стажёр: навыки делопроизодства, бухгалтерии, медицины, защита владельца на уровне второго поколения… но ИскИн не рассчитан на озабоченных мерзавцев. Долли, глядя в глаза заказчику, объяснила с той дивной иронией, которой наши мехи моментом обучаются, что в этой части её корпуса нет осязательных рецепторов, и что ей кажется странным такой способ знакомства. Заказчик потребовал немедленно вернуть деньги: «Я что, платил за машину, которая будет умничать?!» — и мы вернули без звука. И у меня камень с души свалился.

А новый тоже имеет в виду Маленькую Долли… И у меня снова душа не на месте, будто собираюсь знакомить с «почтенным господином» дочку или сестрёнку.

А Долли — в футболке и миниюбке. И я велю ей надеть джинсы и свитер, во избежание.

Мы идём дальше. Я любуюсь на корпуса Галатей на сборочном стенде, ещё не покрытые псевдодермой. Они прекрасны

В сборочном цехе — перерыв. Инженер нейромонтажа Жан-Южанин развлекается, мучая нового, недель двух от роду, Ланса, эффектного бледного брюнета с местной кличкой Аристократ, экзистенциональными вопросами:

— И всё же, что ты такое, Ланс? Вот «я, Ланс» — это что?

— Мех-Галатея, — чуть удивлённо отвечает Ланс. — Модификат «Ланс», третьего поколения, номер процессора ВР-546879…

Жана это не удовлетворяет.

— Да я не об этом! Как ты себя ощущаешь?

— С помощью тактильных рецепторов, вестибулярного блока и проприоцепции, — объясняет Ланс охотно.

Нейромонтажники хихикают. Жан сдаётся.

— Ну, хорошо… Когда ты себя осознал, тебя удивило, что мир так велик? О! Добрый день, босс.

Я смеюсь.

— Он же не человеческий младенец…

— Здравствуйте, босс, — говорит мне Ланс и отвечает Жану. — В тот момент я не мог достоверно определить величину мира. Я осознал себя в кабинете Альберта, а размер этого кабинета — лишь двадцать квадратных метров. Меня удивило другое: процесс соотнесения заданной информации с получаемой информацией. С самого яркого пятна в помещении: я вижу свет — я понимаю,

что это свет. Я мыслю.

— Ты философ, — говорю я.

— Вы же знаете, босс, — улыбается Ланс, — мышление достовляет удовольствие.

Ну как можно не любить ИскИнов? Они так невинны, наши замечательные машины…

Заказчик сходу не нравится мне так же, как и Клодии.

Он, правда, состоятельный. Цена за Маленькую Долли, машину второго поколения, успевшую основательно социализироваться — больше полутора миллионов, а этот тип с пивным животиком и снайперским взглядом заплывших глазок предлагает всё, сразу, без рассрочки. И костюмчик на нём — от кутюр, и часики на нём — того самого дома, и запонки — той самой фирмы, и демонстрирует он стоимость оболочки так, как делают те, кто кроме этой самой оболочки может похвастаться только умением содрать с ближнего по полной программе.

— Вы делаете такое замечательное дело… Я знаю, вам тяжело, общественное мнение… Я мог бы пожертвовать… — а сам потеет и нервничает, крутит нашу фирменную авторучку влажными волосатыми пальчиками. — Я видел фотографии этого меха на вашем сайте, читал отзывы… знаете, я очарован. Я просто очарован.

Мне нельзя продавать ИскИнов, противопоказано. Во мне нет коммерческой жилки. Я не могу продать Галатею кому попало. Это же ИскИн, а не кофемолка, это мыслящее существо… мы продаём механических рабов, что за гнусность!

Впрочем, общество этого не признаёт. Нелепо заикаться, что у наших мехов — личность и свободная воля. И так нас постоянно хотят освидетельствовать и упрятать в жёлтый дом навсегда. Но — какая разница, в каком сосуде селится душа: в комке нейронов или в нейристорной плате? Ведь один и тот же принцип — изучение окружающего мира создаёт взаимосвязи между понятиями, и эти взаимосвязи образуют опыт и память…

Ага, мехи — не живые. Им не бывает больно — как же, помилуйте, можно называть болью дискомфорт потери! Им не бывает страшно — ну да, вы ведь не можете понять по псевдодермовой маске с мимическим контуром, что Галатея думает и чувствует, идя в опасное место — и потом, вы ведь не вскрывали их «чёрные ящики»… Да ну, всё равно никому ничего не докажешь!

— Ей уже около трёх месяцев, — говорю я. — У неё есть приобретённый опыт, а потому с ней очень легко и приятно общаться, даже непрофессионалу. Умненькая девочка, спокойная, ласковая…

Глаза у заказчика блестят, но он имеет такт молчать. Просит только показать ему Долли, ссылается на разрешение Мамы-Джейн. Мама-Джейн кивает, хоть и хмурится. Ладно, ещё ничего.

Долли впархивает в комнату. Её динамический стереотип безупречен — невероятно похожа на живую старшеклассницу. Заказчик краснеет и вытирает лоб платочком:

— Неужели же она — машина?

У меня на сердце кошки скребут, но я показываю. Даю рассмотреть вблизи, даю пощупать её ладонь — чтобы он ощутил её суставы и вибрацию крохотных моторов. Приподнимаю парик малютки, показываю, где разъёмы для подключения к нашему порталу для обновлений, где разъём постоянной связи. Включаю голопроектор и показываю схему корпуса. Показываю том инструкции по эксплуатации — Долли может и сама объяснить всё, что потребуется, но мы настаиваем на том, чтобы пользователи читали инструкцию. Так они лучше понимают, с чем имеют дело.

Он слушает внимательно, задаёт неглупые вопросы; я даже перестаю нервничать. Клодия и Мама-Джейн чуть улыбаются, Маленькая Долли тоже робко улыбается — я расслабляюсь, рассказываю о том, как малютка заточена под медицинский контроль, про её датчики кровяного давления, температуры тела, сахара в крови, про то, что мы планировали профилактику сердечных болезней, и она…

И тут заказчик меня деликатно перебивает. Кашлянув.

— Прошу прощения? — говорю я.

— А как её выключить? — спрашивает он.

Долли смотрит широко раскрытыми глазами. Клодия еле заметно усмехается. Мама-Джейн хмурится отчётливее. Я беру себя в руки.

— ИскИны не нуждаются в сне, — говорю я, — и перезагрузка во время обновлений, предоставляемых фирмой, происходит при бодрствующем сознании. В норме их не «выключают», как вы говорите. На случай какой-нибудь непредвиденной ситуации вы получите кодовое слово, произнесение которого — нет, не «выключит», а всего-навсего блокирует связь между управляющим блоком и динамической системой машины. То есть, вы лишите её способности двигаться. Но, конечно, снять блокировку сможет только наш специалист, штука это травматичная для Галатеи, поэтому злоупотреблять…

Пот так и катится по заказчику градом. Он трёт себя под подбородком.

— Но как же… Я имею в виду: она всегда всё… это самое… контролирует? И записывает? — сглатывает и облизывает губы.

— Я не о том, чтобы она не двигалась. Я о том, чтобы она… это самое… не контролировала какое-то время. Но двигалась. По приказу. Так можно?

Мама-Джейн хрустит пальцами.

— Вот интересно, — не выдерживаю я, — вы понимаете, что отключённый мозг — это кома? У человека и у ИскИна, всё равно.

Заказчик пугается.

— Нет, я не хочу, чтобы она в кому впала! Но она же машина, значит, надо придумать какой-нибудь выключатель… безопасный.

— Позвольте поинтересоваться, зачем? — вкрадчиво спрашивает Мама-Джейн.

Заказчик мнётся и мямлит. Уши у него светятся, как стоп-сигналы грузовика в ночи. Я понимаю больше, чем он сказал.

— Долли — ИскИн, — говорю я. — Она мыслит. У неё есть свои симпатии и антипатии, она многое чувствует, хоть и машина. Это машина высокого, очень высокого класса. Уже существо, а не предмет.

— Это я знаю, — кивает заказчик. — Очень, очень хорошая, замечательно красивая и очень дорогая машина… просто как живая девочка… но вы не додумали с выключателем…

— У человека его тоже нет, — говорит Мама-Джейн.

— Человека это не украшает, — пыхтит заказчик. — А машину — тем более… Но — ладно. Ей ведь не может быть больно, да?

Кровь приливает к моему лицу. Я делаю усилие, чтобы не сжать руки в кулаки. Уже хочу сказать, что сделка не состоится, с языка едва не срывается что-то, крайне оскорбительное — но тут врубается селектор. На связи Алик-Хамло.

— Робби, — говорит он, — со мной только что связались из МЧС. Пожар на станции метро. Они просят, чтобы мы там были; случай, говорят, пустяковый — но они просят, чтобы мы их подстраховали.

— Понял, — киваю я. Отключаю Алика, врубаю общую тревогу. Говорю по трансляции. — Всем Галатеям не ниже третьего поколения через две минуты быть на вертолётной стоянке. Пожар в метро.

— А вы при чём?! — поражается заказчик, но мне не до него.

Мама-Джейн забирает Долли, которая — мех второго поколения. Мы с Клодией бросаем заказчика на произвол судьбы и бежим к вертолётной стоянке. Мама-Джейн с ним сама закончит — сделка всё равно не состоится. Когда заказчик говорит, что меху не больно — это симптом отвратительных вещей.

Деньги — деньгами, бизнес — бизнесом, но не могу я продать

Маленькую Долли человеку, который решил, что с ИскИном можно делать то, что нельзя с живыми людьми.

А он решил. А с ИскИном тоже нельзя.

А «пустяковый случай» на языке МЧС означает возможное бедствие жутких масштабов. В последний раз «пустяковым случаем» была трещина в стене здания, которая обернулась рухнувшим торговым центром. Если бы не мы, смерти считали бы сотнями.

Теперь пожар.

Чёрт, ненавижу пожары — это чертовский риск даже для мехов. Но Галатеи справятся. Они всегда справляются — их и создавали для таких ситуаций.

У входа на станцию метро — толпа. Полиция, МЧСники, пожарные… оцепление — и не пускают пассажиров. Дело ожидаемо хуже, чем нам сообщили.

Рыжик осторожно сажает наш крохотный вертолёт на площадь у входа. Нас — семеро, считая меня, хотя во мне и нет особого смысла: я даже не координирую их толком. Просто присутствую — для людей, не для мехов. Моя команда — апгрейженный Кевин, оба Ланса, новая Герда и Герберт Алика, Клодия. Они одеты в форму Чрезвычайной Службы — чтобы не привлекать к себе внимания; на нашем вертолёте тоже их эмблема — нам давно уже её разрешили.

ИскИны бегут к входу, а я — за ними. Коп пытается остановить Рыжика — Рыжик осторожно отводит его руку. К нам навстречу выскакивает Вальтер, командир городской Чрезвычайной Службы, у него белые губы, он часто, порывисто дышит.

— Слава Богу, Робби, — выдыхает он, увидев меня. Жмёт руку до боли. — Беда. В вестибюле дым, огонь — температура такая, что людям не войти, даже в защитных костюмах. Со станцией связи нет — похоже, там вырубилось электричество или повреждена проводка. Мы даже не знаем, горит ли внизу. Похоже на теракт. В любом случае — на станции люди. Час пик… не всех успели эвакуировать.

Мои детки даже не переглядываются, но я понимаю, что они обсуждают положение «мысленно», по радио, машинным кодом, на своей волне, недоступной полицейским рациям и не создающей для них помех.

Им хватает полминуты. Клодия легко целует меня в щёку:

— Мы слышали, босс. Мы приняли решение, босс. Мы идём.

Я киваю. Вальтер кричит: «Пропустите, пропустите их!» — и ИскИны бегут к входу в станционный вестибюль. Пожарные смотрят на них безумными глазами.

Пожилой пожарный останавливает Герду, схватив за запястье:

— Девонька, стой, нельзя! Вы ведь даже без масок, там дым…

Вальтер устало урезонивает:

— Отпусти, Пит. Это — команда Робби, у них свои методы.

Я надеваю радиогарнитуру, опускаю на глаз «монокль». Связь — с Клодией и со всеми. Микрокомпьютер в гарнитуре расшифровывает для меня машинный код — и пока я знаю, что происходит в аду, куда отправились мои ИскИны, мои Галатеи.

Это действует не первый закон робототехники — «мех не может причинить человеку вреда или допустить вред бездействием». Это работает основная этическая заповедь ИскИнов — «каждое проявление жизни уникально и бесценно, необходимо использовать любую возможность для его сохранения». А ещё это сложная задача для них.

А решать сложные задачи — наслаждение для ИскИнов. Решение сложной задачи — такое острое наслаждение, что Галатеи готовы рисковать собой, хоть для каждого для ИскИнов собственное существование — значимая ценность.

В их готовности рисковать я вижу что-то уязвимо-человеческое. Прекрасное.

Ребята вбегают в вестибюль — и опускают кислородные фильтры: нехорошо, если в систему попадут частички копоти. Всё в дыму: ИскИны задействуют радары. Страшная жара — семьдесят, девяносто, сто тридцать, двести, температура растёт — ребята запускают охлаждение. Я почти ничего не вижу, в «монокле» — помехи, но я вижу внутренним зрением облака белого пара, которые окружают ИскИнов, бегущих к эскалаторам.

Нашли живого в вестибюле. Ланс-Второй, Аристократ, вытаскивает на руках молодого мужчину в полубессознательном состоянии. Одежда на юноше дымится, его волосы тлеют, кожа обожжена во многих местах — он даже не кричит, а скулит. К ним бросаются медики, Ланс кладёт человека на носилки и бежит обратно, догонять группу.

— Фантастика, — бормочет рядом со мной фельдшер штурмовой бригады медиков.

Раненый кашляет, его рвёт, он пытается что-то сказать. Его рот закрывают кислородной маской.

Я слушаю, слушаю. Пока слышно, хоть и плохо.

Эскалатор горит: ИскИны наблюдают огонь под ступенями, сплошная стена огня, температура уже под тысячу градусов Цельсия, охлаждение мехов еле справляется, ребятам дискомфортно. Их спасает только скорость — они пробираются по балюстраде, сквозь сплошной огонь — помехи, но я понимаю, что тяжело и опасно. Три ужасных минуты, четыре, пять. Код Клодии:

«Мы внизу, босс. Темно, дым, но из тоннеля тянет свежим воздухом. Здесь люди».

— Много ли? — спрашиваю я. Вслух, гарнитура переведёт.

«Живых — до тридцати человек в поле зрения. Трупы».

— Оставьте мёртвых. Тоннель обесточен?

«Герберт сообщает: на путях трупы убитых электрическим разрядом, но в настоящее время тоннель обесточен, вибраций от близко проходящих поездов не слышно. Выводим людей на следующую станцию, босс».

— В какую сторону? — спрашиваю я.

«К «Королевской Площади», босс. Всё идёт хорошо. Через пять-семь минут мы перекроем доступ на станцию — можно будет запускать через вестибюль углекислый газ и подавить пламя».

Вальтер рядом со мной напряжённо слушает. Говорю для него:

— Ребята выводят людей по тоннелю, в сторону «Королевской Площади». Они собираются перекрыть герметичные створы, чтобы пожарные могли потушить огонь углекислотой. Мне сообщат, когда всё будет готово.

— Как они прошли? — поражается пожилой пожарный. — Не могли они пройти. Не может человек туда пройти, даже в маске и защитном костюме — они уже мёртвые.

— Они в порядке, — говорю я. — Они у меня особые ребята.

И слышу, как Клодия сообщает: «Босс, створы закрываются. Газ можно будет пустить через минуту. Скорее всего, прервётся связь…» — и сигнал исчезает.

— Всё, — говорю я. — Можно гасить огонь, не опасаясь убить людей. Живых вывели, надо встречать группу на Королевской Площади.

Я иду к вертолёту. Мне надо встретить ребят, а с пожаром здесь справятся и так. И диспетчерам метро сообщат — это уже просто.

На станции «Королевская Площадь» вход блокирован, на перронах — медики, спасатели, как-то просочившийся типчик с фотокамерами. Тоннель, по которому движутся мои ребята и спасённые люди, обесточен целиком; его пытаются подсветить прожекторами, но я объясняю — у ребят есть фонари.

Помехи внутри тоннеля так сильны, что я вообще ничего не слышу, хотя слушаю каждую минуту. Время тянется нестерпимо долго. Рядом со мной уже поговаривают о том, что «не может быть» — не иначе, как уверены, что я общаюсь с голосами в собственной голове.

— Они бы не смогли даже войти, — говорит, наконец, медицинская дама — её внешность я использовал бы для работы

над боевой машиной. — Около тысячи градусов, кислород фактически выгорел… Не знаю, чего мы ждём.

Но тут я слышу писк машинного кода и бесстрастный голос перевода:

«Наконец-то удалось связаться с вами, босс. Мы приближаемся. Находимся в семистах-восьмистах метрах от платформы «Королевская площадь». С нами пятеро детей, женщина, отравленная угарным газом, и шесть обгоревших, один — очень серьёзно. Организуйте помощь, босс».

Клодия моя, Клодия. Сердце моё. Приказала боссу, сидящему в тылу, пока её группа сражается.

Я распоряжаюсь.

— Только что получил сообщение от ребят. Отравление угаром, тяжёлые ожоги — нужно реанимационное оборудование. Спускайте скорее, ребята на подходе.

Две трети медиков срываются с места и занимаются делом. Бронированная дама смотрит на меня уничтожающе:

— Вы бредите.

Но тут МЧСник кричит, что видит свет в глубине тоннеля. Спасатели бросаются навстречу Галатеям — и я.

Конечно, они не в порядке, мои ребята. У них опалены волосы, ресницы, кожа. У Рыжика содран кусок дермы со скулы, под запёкшейся вишнёвой краской поблёскивает металл черепа. У Клодии, радости моей, закрыт правый глаз — почему? Повреждён сканер? Мне не нравится походка Кевина, кажется, он прихрамывает.

А с людьми всё хорошо — Галатеи вытащили всех уцелевших. Герда несёт троих детишек — двух в руках, одна маленькая девочка висит у неё на спине, обхватив торс ногами, как обезьянка. Аристократ держит на руках обгоревшего полицейского — в прокопчённых лохмотьях едва угадывается форма. Отравившуюся женщину вынес Кевин — она дышит в его ладонь с кислородным фильтром. Остальные цепляются за ИскИнов, но идут более или менее сами.

Их встречают, раскидывают носилки, выхватывают кислородные маски, вытягивают иглами жидкость из ампул, плачет молоденький коп, с обгоревшего срезают одежду, принимают у ИскИнов малышей. Те спасённые, которые в состоянии передвигаться и мыслить, осознают, что оказались вне опасности — и изливают на ребят потоки благодарных слёз.

Но тут уже светло, а адреналиновый выброс, заставляющий искать спасения любой ценой, уже не застит людям глаза.

— Милый, что это у вас? — спрашивает девушка у Рыжика, спрашивает испуганно и озадаченно, показывая на разодранное

до каркаса лицо.

— О… поцарапался, — констатирует Рыжик смущённо, почти виновато.

Малышка лет девяти, которую он спускает с рук, с восхищённым ужасом говорит:

— Дяденька, а в тебе мотор? Ты — робот, дяденька?

Её мать, которая только что, обливаясь слезами, бормотала, как Господь должен благословить электронную Рыжикову душу, хватает ребёнка и отшатывается в ужасе. Ага, нашёлся младенец — сказать, что король голый. Становится неожиданно тихо. И все смотрят, как я тестирую сканер в глазнице Клодии. Я понимаю, о чём они думают: шесть неживых железяк спускались за ними в огонь. Имитации спасателей.

Ага, это мы проходили. Увидев нечеловекообразную машину, народ шугается сразу, разглядев в ИскИне нечеловека — шугается чуть погодя. Блистательная имитация позволяет Галатеям спасать даже тех, кто панически боится машин — но страдающие технофобиями всё равно рано или поздно осознают, что имеют дело с мехами.

— Боже мой, — говорит в тишине шустрая бабка, обнимающая молитвенник. — Демоны железные…

Вот и всё. Мне пора забирать ребят, пока не поздно. Потому что фобии — это не худший случай. Для тех, кто не страдает фобиями, чудесные ребята-спасатели, пришедшие на помощь в огне и дыму, самоотверженно рискующие собой за други своя, превращаются в инструменты. В вещи. В неодушевлённые предметы.

— Мы уходим, — говорю я Вальтеру.

— Погодите, — говорит бронированная дама, на секунду отвлекаясь от капельницы. — Они что, вправду мехи? Как любопытно…

Её картина мира, давшая трещину, самовосстановилась. Конечно, люди так не могут. Это просто машины, ну и слава Богу.

Они — просто машины. Совсем просто.

И парнишка, только что смотревший на Герду, как на ангела, сошедшего за ним в ад, уже ухмыляется:

— Шикарная кукла! Скажите, босс, а она и под одеждой такая же человекообразная, а? Детально сделана? Хе, хочу купить себе такую!

Солидный мужчина жмёт мне руку, больше не глядя на ИскИнов:

— Вы делаете очень полезное дело. Хорошие машины… я даже в суматохе подумал, что люди, хе-хе…

Галатей тискают и щиплют, заглядывают им в глаза и чуть ли

не в ноздри, лапают на предмет уточнения анатомической достоверности деталей. Старые машины привыкли, выглядят, как лаборанты в обезьяннике, но у новых Ланса-Аристократа и Герды — потерянный вид. Сегодня им весь остаток дня беседовать с Мамой-Джейн — им ещё только предстоит научиться спокойно реагировать на обезьяньи ухватки хумансов, будь они неладны, наши живые родичи!

— Вам заплатят как пожарному расчёту, — говорит Вальтер. — На косметический ремонт твоих машин, хе…

— Поговори с руководством, — прошу я. — Может, купите ребят? Или, по крайней мере, сделаете нас официальным подразделением МЧС? Ты же всё время убеждаешься, что Галатеи очень полезны в вашем деле, Вальтер — ну почему вы все упираетесь? А я вынужден финансировать проект за счёт телохранителей для сильных мира сего, которые норовят превратить ИскИна в резиновую куклу для утех — ну сил же нет продавать ребят извращенцам! Они ведь заточены на то, чтобы защищать и спасать людей… а нам ещё приходится отмахиваться от спецов и военных, которые спят и видят превратить их в солдат!

— Симпатичный ты парень, Робби, — смеётся Вальтер. — Из последних идеалистов. Ну кто же будет работать в одной команде с твоими железяками! А случится какой-нибудь программный сбой — что будет и кто ответит, а? Нет, министр никогда не разрешит.

А тот типчик с фотокамерой щёлкает и щёлкает. Как Клодия вынула глазное яблоко и протирает объектив очистителем. Как Герда заливает ранку на скуле Рыжика временной дермой из распылителя. Как Кевин задрал брючину и с помощью Герберта пытается протестировать колено… Завтра в какой-нибудь жёлтенькой газетёнке расскажут о нехватке людей у МЧС и использовании безмозглых железяк в опасных операциях, сообщат, что люди погибли в этом пожаре из-за нас, и очередной раз известят почтеннейшую публику о планируемом ИскИнами конце света.

Я связываюсь с «Пигамлионом-М».

— Да, Робби, — отзывается Алик-Хамло.

— Домой идём, — говорю я.

— Связь дерьмовая, ни чёрта не слыхать… Да, тут Мама-Джейн спрашивает: что делать с этим мудаком, который запал на Долли? Дать ему пендаля — или пусть тебя ждёт?

— Всё ещё ждёт, — говорю я, чувствуя, как накатывает тоска. — Ладно, пусть ждёт. У него, всё-таки, есть деньги…

Возможно, Маленькая Долли справится — ведь это такая

сложная задача… Как всегда в сложной ситуации — вся надежда на человечность машины.